

УДК 8(061.3)
ББК 80
М74

А. В. Аксенова

ПОЭТИКА ПОРТРЕТА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Т. ТОЛСТОЙ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Рэкамендавана
Саветам філалагічнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
(пракакол № 7 ад 31 мая 2018 г.)

Рэцэнзенты:
кандыдат філалагічных навук дацэнт *А. У. Кірычэнка*;
кандыдат філалагічных навук дацэнт *В. Г. Пракапчук*

М74 **Мова і літаратура** : матэрыялы 75-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ, Мінск, 25 крас. 2018 г. / пад рэд. К. А. Тананушкі. – Мінск : РІВШ, 2018. – 196 с.
ISBN 978-985-586-148-6.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 75-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, метадыкі выкладання, міфалогіі, культуралогіі і фальклору.

Прызначаецца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 8(061.3)
ББК 80

ISBN 978-985-586-148-6

© БДУ, 2018
© Афармленне. ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы», 2018

Татьяна Толстая вошла в русскую литературу с малой прозой на стыке культурных эпох: выделяясь выразительной речевой художественной манерой, она вступает в литературу в период заката постмодернизма. Первый сборник рассказов «На золотом крыльце сидели...» вышел в 1987 г. в Москве. Название отсылает к детской считалке, тем самым задавая внешне ненапряженный тон. Повествование основано на воспоминаниях автора, а сюжеты рассказов – частные истории. Персонажами становятся разные люди, окружавшие рассказчика с детства: няни, актрисы, соседи по даче и т. д.

В общей образной картине сборника «На золотом крыльце сидели...» доминируют герои почтенного возраста. В данной статье мы обратимся к анализу образов толстовских старух, поскольку считаем, что именно они отражают глубокую укорененность писательницы в рамках русской литературной традиции.

В художественную полемику со сказкой А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» Т. Толстая вступает с дебютным рассказом, давшим название сборнику «На золотом крыльце сидели...». Героиня Т. Толстой Вероника Викентьевна – «белая огромная красавица», у нее «пышная, золотая, яблочная красота». Автор называет ее «царицей» и вместе с тем замечает: «Это самая жадная женщина на свете!» [4, с. 41]. Все это коррелирует с образом пушкинской старухи, пожелавшей быть «вольною царицей»: «На крыльце стоит его старуха / В дорогой собольей душегрейке, / Парчовая на маковке кичка, / Жемчуги огрузили шею, / На руках золотые перстни, / На ногах красные сапожки» [3, с. 10]. Старуха претенциозна и ненасытна в своих желаниях, перед ней пресмыкаются «усердные слуги», а она сердится и «бьет их, за чупрун таскает» [3, с. 11]. Слуги Вероники Викентьевны приобретают зооморфное обличье: «Белые куры бродят у ее тяжелых ног, индюки высунули из лопухов непристойные лица, красно-зеленый петух скосил голову, смотрит на нас» [4, с. 41]. Алчность и кровожадность героини показана Т. Толстой вскользь: «Однажды с такими вот красными руками она вышла из темного сарая, улыбаясь: „Теленочка зарезала...“» [4, с. 42]. Разоблачает же героиню нарочитая цитата из пушкинской сказки: «Наливают ей заморские вина, / Заедает она пряником печатным, / Вкруг ее стоит грозная стража... / На плечах топорики

держат...» [4, с. 42]. Т. Толстая использует сформированный в литературной традиции условный код в изображении сварливых и зловредных старух. Для симметрии со «Сказкой о рыбаке и рыбке» Т. Толстая вводит дядю Пашу, мужа «такой страшной женщины»: «Дядя Паша – маленький, робкий, затюканный. Он старик: ему пятьдесят лет» [4, с. 42].

Жадность не дает Веронике Викентьевне уснуть ночью, она жаждет найти любой повод для скандала, ей постоянно мерещатся заговоры и воровство. Маниакальная подозрительность героини выражена у Т. Толстой иронично: старуха «подслушала», что «папа с мамой шепотом договариваются объегорить Веронику Викентьевну: прорыть подземный ход в парник с ранней петрушкой» [4, с. 43].

У А. С. Пушкина есть и совершенно противоположный старухе из «Сказки...» образ. Это няня, добрая и тихая, поющая в бурю народные песни. В рассказе Т. Толстой «Любишь – не любишь» также появляется «любимая няня Груша», и писательница сразу же отсылает к классику: «Пушкин ее тоже очень любил и писал про нее: „Голубка дряхлая моя!“» [4, с. 3].

Т. Толстая не обошла вниманием еще один пушкинский образ. Это властная и могущественная «осьмидесятилетняя» графиня Анна Федотовна в «Пиковой даме». Пожилая Евгения Васильевна из рассказа «Круг» некоторыми портретными деталями перекликается с пушкинской графиней: была старомодна, не меняла модных привычек молодости, старательно омолаживалась. Вспомним, как пушкинский Герман, спрятавшись в спальне, невольно стал «свидетелем отвратительных таинств ее туалета»: «Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы» [2, с. 169]. У Т. Толстой Василий Михайлович, муж героини, случайно замечает ее в парикмахерском кресле и приходит в ужас: «То, что дома казалось ее волосами, теперь съезжилось, кожа обнажилась, и женщина в белом халате тыкала туда жижицей на палочке. Удушливо пахло» [4, с. 61].

Интересен сюжетный перевертыш в рассказе Т. Толстой: довольно пожилой Василий Михайлович вел свою игру. Он звонил разным женщинам, принимая за номер телефона «семизначную метку», нашитую на постельном белье. Вместо фантомных трех заветных карт у героя Т. Толстой свой под одеяльно-наволочный «фантом», порожденный «капризной случайностью прачечной канцелярии».

Герой страдал геронтофобией и тяготился от тотальным контролем жены над собой. Не случайно он увидел свое отражение в чайном грибе, помещенном старухой в трехлитровую банку: «скользкий, безглазый молчун,

что годами тихо-тихо живет на подоконнике и ни разу даже не всплеснет» [4, с. 65]. При всех социальных и культурных различиях, между героинями А. С. Пушкина и Т. Толстой сохраняется преемственность.

Галерею портретов старух в русской литературе украсил образ старухи Изергиль из ранних романтических рассказов М. Горького. В рассказе «Милая Шура» Т. Толстая не стремится подчеркивать портретные детали горьковской старухи. Показательно, что у героини М. Горького «...черные глаза были все-таки тусклы, их не оживило воспоминание» [1, с. 20], а у героини Т. Толстой в процессе воспоминаний менялись глаза. Сначала было непонятно, куда «обращены ее мокнувшие бесцветные глаза», а после разглядывания старых фотографий они «светились счастьем», и казалось, что «время... плещет морщинами в ее неповторимое лицо» [4, с. 29].

Обе героини повествуют о своей молодости, о сбывшихся и несбывшихся историях любви и замужествах, о нерожденных детях, о счастье и горе, о романтических приключениях. При этом у М. Горького и Т. Толстой рассказы старух помещены в рамки повествования непосредственного рассказчика. Ироничная рассказчица Т. Толстой, узнав об уходе Александры Эрнестовны, заключает: «Мне нравится ваша никому больше не интересная, где-то там отшумевшая жизнь, бегом убежавшая молодость, ваши истлевшие поклонники, мужья, проследовавшие торжественной вереницей, все, все, кто окликнул вас и кого позвали вы, каждый, кто прошел и скрылся за высокой горой» [4, с. 34].

Репрезентируя архетипические образы, Татьяна Толстая наделяет своих героинь угадываемыми чертами, формируя, таким образом, читательское ожидание в развитии сюжета и психологии образа. Портретные характеристики – важный компонент индивидуального писательского стиля: эффект узнавания портретных деталей, который создает Т. Толстая, расширяет мета-литературный горизонт произведения.

Литература

1. *Горький, М.* Рассказы: 1892–1925 / А. М. Горький. – Минск: Маст. літ., 1984. – 462 с.
2. *Пушкин, А. С.* Капитанская дочка. Проза / А. С. Пушкин. – Москва: Худож. лит., 1984. – 287 с.
3. *Пушкин, А. С.* Сказка о рыбаке и рыбке / А. С. Пушкин. – Москва: Дет. лит., 1986. – 20 с.
4. *Толстая, Т. Н.* На золотом крыльце сидели... / Т. Н. Толстая. – Москва: Молодая гвардия, 1987. – 191 с.